

821.161.1(477)06-312.9
Н56

Нестеров ©

Н56 Нестеров Глеб.

МИССИЯ. — К.: ЛОТОС, 2019. — 576 с.

ISBN 978-617-7588-14-5

Великое разъединение коснулось человечества. На двух противоположных жизненных берегах оказались люди, которые еще вчера жили общими идеями и развивались в одном направлении.

Одной части удается в жизни быть счастливыми, радостными, благополучными, другая же, оказавшаяся после разъединения в ином, новом мире, живет в печали и скорби, жестокости и зле.

Учитель Илар, вместе с лучшими из лучших — просветленными, внедряются в местное население — представителей нового мира, проводя большую работу с его жителями. И изменения не заставляют себя ждать: те, которые еще вчера были неразвитыми и злобными, стают на истинный путь Просветления, воссоединяясь с другой частью человечества.

Как удалось просветленным изменить мир вокруг, а жителям помочь стать на путь ускоренного развития, вы узнаете из книги, ближе познакомившись с его героями. В ней вы встретитесь также и с библейскими персонажами в новом воплощении — Иисусом, Иудой, Магдалиной и другими.

Как же нам всем избежать такого разъединения, как объединиться, как научиться не делать ошибок, как вовремя останавливаться, оглядываться и одумываться ради нашего будущего? Ответы на многие волнующие нас вопросы можно найти в этой занимательной мистической истории, которая заставляет задуматься над нашим отношением к жизни и никого не оставит равнодушным.

821.161.1(477)06-312.9

Н56

© Нестеров

© ТМ*ИД «ЛОТОС», 2019

ISBN 978-617-7588-14-5

ГЛАВА 1

306 год от Великого Разделения

Земля. Надмирное Царство.

Компенсацией за невозможность работать вместе с моими духовными детьми является счастье общения с Ним. Удивительно, но я, исполненный человеческих слабостей, ищущий и ошибающийся, удостоен чести беседовать с Высочайшим. Говорит по преимуществу Он, а я лишь с благоговением внимаю да изредка задаю волнующие меня вопросы. Встречи наши нечасты, но каждая из них озаряет мою жизнь и вводит меня в новую фазу существования. Почти всегда Он тих и ласков, но в сосредоточенном взгляде его таится печаль. Её причина такая же, как и у меня.

Нахмутив высокое чистое чело, Он задумчиво произносит:

— Овцы отделены от козлов, и на них снисходит благодать Божия. Светло и радостно. Все сильны и здоровы, живут веками, а когда умирают и вновь возрождаются, не забывают прошлое, и главное, любят друг друга, яко самих себя. Нет врагов и мешающих, повсюду мир и благоволение.

Замолкнув, Он потупляет веки с длинными третными ресницами, а я понимаю, что забота его не об успешных овцах, а о заблудших козлах-горемыках, ввергнутых в печь огненную, где плач и

скрежет зубный. И снова, как бы издалека, доносится плавная речь:

– Было сказано: будет одно стадо и один пастырь. Вот пастырь в наличии, – Он невесело усмехается, – и стадо отборное, и травы на пастбищах сочные, но потерялись козлятушки, бродят на пепелище обугленном – ни корма, ни ручейка с водицей чистой, а пастырь и поискать не удосужился.

Ноющая боль тревожит моё сердце: «Где уж не удосужился! Бросил бы овец упитанных, и помчался бы, ноги в кровь сбивая, заблудших козлов разыскивать. Но нельзя Ему к ним, иначе повторится уже раз случившееся, только в худшем, непоправимом варианте. А как иначе? Раньше-то козлы с овцами были перемешаны, и то содеяли чудовищное. Теперь же целая планета у козлиц на откупе – измысляют что-нибудь поизощрённей распятия».

Словно бы в ответ на мои раздумья, Он объясняет:

– Само по себе распятие – не самое страшное. И разбойники претерпевали. А куда денешься? Муки невыносимы, метаться хочется, любое шевеление, словно нож в сердце. Тем не менее, порой в какое-то чёрное забытье впадаешь, боль отдаляется, а потом снова как огнем опаляет вспышка действительности. Тянутся, тянутся изнуряющие минуты, равные столетиям, разрываются плоть и душа. Но, к счастью, всё когда-нибудь подходит к концу: оглушительно взрывается жизнь, и вместе с тишиной приходит облегчение. Так происходит у обычных людей, пусть даже больших грешников. Их наказание – впереди, а непосредственно после наступления смерти даётся передышка. Другое дело, добровольное схождение в ад. С первых же шагов начался бой не на жизнь, а на смерть, а вместе с ним принятие в себя боли всех людей Земли. В одиночку Сыну Человеческому такой подвиг был бы недоступен,

и только полное подчинение собственной воли воле Отца дало силы для его свершения. А все-таки схождение в ад ещё не было главным испытанием. Более мучительное ожидало впереди.

Я натянул нити ментальных связей со всеми землянами, живыми и умершими. Любой человек при напряжённом желании, оплодотворённом упорным трудом, мог получить от Меня энергию преобразования. Эта энергия не просто излечивала физические тела и подправляла образ мышления – она несла всем сущим невиданные возможности: позволяла уничтожить чудище смерти и войти в жизнь вечную. Однако Я не только давал, но и брал. Люди с огромной охотой передавали Мне свою боль. И если б одну боль: в облегчении человеческих страданий с самого начала видел Я своё предназначение. Но сколько же входило в Меня мерзости: земляне, связанные со Мной нерасторжимыми узами, были изощрённы во зле, и если подавляли его, то лишь внешне. Я же имел их внутреннее. Каждая негативная мысль – носительница ненависти, осуждения, зависти, себялюбия и другого тому подобного, гвоздями впивалась в Мою душу и терзала незаживающие раны. Ни на миг не прекращались Мои страдания, а больше всего терзали Меня лицемеры, использующие Моё учение для личного возвышения и для унижения и без того униженных. Восклицали: «Господи! Господи!» – а сами пронзали Меня отравленными стрелами лжи и эгоизма.

Физически ощущая Его муку и замирая от страха получить отрицательный ответ, я тихо спрашиваю:

– Но ведь после Великого Разделения ослабли Твои муки, Учитель?

Видя, что расстроил меня, Он придает своему тону оптимистичность, но снова сбивается на грусть:

— Конечно, ослабли, Александр Ревностный — мой любящий добросердечный сын. Овцы доставляют Мне теперь только радость. Их тревоги и исцеления наполнены светом. Козлы же — несчастные грешные козлы, волею Отца отделены от Меня стеною непроницаемой. А все-таки, хоть они и далеко, Я страдаю от их страданий, а сильнее всего страдаю оттого, что помогаю им не Я, а Мои возлюбленные дети. Да что же Я говорю о своём страдании? Ведь и ты, Александр, мучаешься разлукой с героями, брошенными в кипящую преисподнюю.

Сатушар. Изгр

Казалось, сколько ни иди, ничего коренным образом не изменится. Пейзаж был скучен и однообразен. С правой стороны от тракта тянулась унылая равнина, местами заболоченная, местами холмистая и почти лишенная растительности. Исключение составляла лишь жухлая сероватая трава, перемежающаяся густыми дремучими мхами. За равниной разливался океан, но до него было, как до бога, и приблизиться к нему составляло целую проблему. Впрочем, океан мало кого привлекал. Какая польза от бесконечного скопления горькой беспокойной воды? Для людей и суши вполне достаточно. Тоскливая равнина простиралась и слева, но на нее смотреть было поприятнее: тут и деревца с кустарниками произрастали, и даже лесочки образовывались. За рошицами, лесами, холмами, высилась гряда суровых серых гор. Горы эти порой отдалялись и вовсе исчезали из виду, а порой подбирались к дороге, нависали над ней и даже камни вниз скидывали.

Изредка — не чаще, чем пару-тройку раз за день, прорисовывались населенные пункты, но они сто-

яли в стороне от тракта и своей прямолинейной невыразительной архитектурой радости не добавляли. Далеко им было до претендующего на значительность Корумпинополя и величественного Наглбурга. Ну, да что говорить про столицы? Туда чуть ли не все средства обоих государств Сатушара — Изгра и Нагла, сходятся.

Людская колонна была растянута и невыносимо неспешным движением образовывала пылевую тучу — ни дать ни взять, пышную перину под отяжелевшее брюхо свинцового неба. Путешествующие напоминали неповоротливые бесформенные тени. Из однообразной массы (про единичные перлы в ней — разговор особый) выделялись лишь охранники: облаченные в когда-то белую, а теперь грязную форму и в круглые черные шапочки с высокими колышущимися гребнями. В руках у знающих себе цену, активных блюстителей порядка поигрывали длинные хлесткие кнуты.

Старшие охранники, упитанные и свободные от какой-либо ноши, позволяли себе леность, и уж если били пленников, то с особой жестокостью. Зато их младшим сослуживцам приходилось стараться без отдыха.

Золюш, верткий, худощавый, мускулистый юноша, работал с похвальным усердием. Кто споткнется, замедлит шаг, застонет не в меру громко — он тут как тут. Замелькает кнут — жаж, жаж, а сквозь зубы — грязное циничное ругательство. Золюш свое дело знает и уж непременно выслужится, в младших охранниках долго не задержится.

Он не такой как прочие. Настроение своё выставлять напоказ не будет. Достают оводы — ерунда, дорога опротивела — ну и пусть, на то она и дорога, пленники ненавистны — ну здесь-то можно и отыграться. Жаж, жаж! — «Упырь поганый. Чтоб ты сдох, зараза!»

Конечно, и с пленниками не всегда можно распускаться. Пленник пленнику рознь. Другого тронешь – головы не снесёшь. Нужно интуицию проявлять: а то вылезет потом в люди какой-нибудь обиженный пленничек – отомстит, мало не покажется.

Вот, например, на эту красотку не то что замахнуться, а и посмотреть-то пристально нежелательно. Месяца не пройдёт, а станет она наложницей какого-нибудь знатного лица, а то и сам царь на неё польстится. Да и как на такую красоту не польститься? На бёдра её без дрожи и не взглянешь: преогромны и преокруглы. А груди – шары колеблющиеся: тяжелы, но не обвисают, а дразнят и будто бы сами своей формой бахвалятся. А лицо – правильный круг, щеки – туги, красны, полыхают, словно жар-огонь. А глазища – круглые, выпуклые, блестящие да наглые, к потуплению не привычные, глядят с высокомерием. И причёска отменная: лысинка, что циркулем описанная, а вокруг – толстые, как проволока, чёрные волосы, мелким бесом вьющиеся. Хороша девица, и сама о себе понятия высокого. Не помалкивает – говорит громогласно, похохатывает и заявляет с высокомерием:

– Не для низкого я создана сословия. За меня графья-принцы начнут соперничать, а вы, мужичьё, будьте благодарны, что нужник после меня выносите.

Непонятно только, как такая краса до поры расцвета дождала, а ни в чей дворец не угодила. По ее рассказам, так и влачила она существование в хуторке приграничном. Видать, неказистой росла да невзначай несказанными прелестями заблистала. Сам начальник охраны на неё губы облизывает, но нипочём не тронет, знает – не по нему кусочек лакомый. Знать не прощает, когда кто-то из второсортных на их кушанье рот разевает.

Золюш старается на раскрасавицу не глядеть. Нечего зря начальника раздражать: руководство ублажать надо. Плохо это, правда, у Золюша получается: не умеет он угождать и кланяться, зато, не в пример тупоголовым рабам, во многом другом способен – оттого и выбился в охранники.

Он все свои сатушаряньские воплощения прекрасно помнит. В предыдущем – ему ранг солдата пожаловали, да только поздновато – погиб он в первом же сражении. Перед тем – всю жизнь в рабах промучился, а ещё раньше Вселение произошло. Ну, а до Вселения жил он на Земле и не Золушем, а Славкой звался. Про Землю, кстати, уже немногие помнят, а у Золюша память отменная. Он не только о себе, но и о жизни общества представление имеет. Тогда был он мелким воришкой – чистил зевак по рынкам. Руки ловкие, голова светлая – чего ещё надо? Деньги легко приходили и быстро уходили. Хоть и старался он порою, а всё же солидности не добился: шестеркой не был, но до уважаемого вора так и не дорос. Зато «мокрого» себе никогда не позволял. Один лишь раз потрясли они с братками старикашку. Тот через неделю и отбросил коньки, но этот случай не в счёт: деду и без постороннего вмешательства недолго жить оставалось.

Ну, благоденствовал Славка, благоденствовал, но начались вдруг на Земле какие-то тревожные перемены. То наводнения, то землетрясения, то ураганы, то террористы в общую сумятицу лепту внесут, то болезни какие-то невиданные разбушуются, а то страны друг на друга войнами ни за что ни про что обрушатся. Нервишки у людей не выдерживали, все какие-то очумелые бегали, а Славке – что? Ему беспорядки только на руку. В его ремесле от спокойствия – одни убытки.

Сколько лет тянулись неурядицы, Золуш уже и не помнит, но в конце концов и лично его жареный

петух клюнул, не до шкодничества стало. Земля трясётся, всё вокруг рушится, пожары, давка, паника. Куда деваться? А было куда. Возникло тогда на Земле некое образование – крепость не крепость, приют не приют, но место или, как говорили тогда: Обитель, где души людей спастись могли. Только принимали туда не всех, а одних приличных да искренне раскаявшихся. Славка перетрусил. Тоже каяться принялся: и старикана вспомнил, и особо злостные свои подвиги, кричит внутренне: «Простите, не буду больше, работать пойду, тётке огород вскопаю, наворованное в детский дом отдам». Чувствует, притягивает его Обитель, душа закрутилась, летит – на преграды не натывается. Славка скорбит о потерянных годах, твёрдо верит, что образ жизни на противоположный поменяет. Только то ли на беду, то ли на счастье встретился он в дороге с душой Кота. Того к Обители близко не подпускали. Он и убивать не чурался, а раскаянье за полную глупость признавал. Преградил Кот путь Славке и говорит:

– Дурак ты, дурак! Куда направляешься? Плечи свои под ярмо подставить собираешься? Работать тебе, видите ли, приспичило. Хватит трусить: не баба же. Уразумей, не одно место спасения существует. Для тех, кому свобода дороже матери, чума её дери, есть и другое.

Славка сразу же прекратил каяться. Раз есть место, почему не попользоваться? Полетел он за Котом и попал в лавину нераскаявшихся душ, тела которых к тому времени, пожалуй, все уже погибнуть успели. Силища неведомая на эту лавину действовала, властно волокла куда-то, а куда – кто его разберёт. Чувствовал себя Славка металлической пылинкой, к магниту влекомой. Померк разум, из ощущений одно притяжение осталось.

А потом Славка с неисчислимым количеством душ оказался в тонком мире Сатушара. Но долго бесплотным не оставался. Не прошло и нескольких лет, а все переселенцы слились с полулюдьми-полуживотными, переправленными на планету из другой галактики. Кто конкретно занимался переправкой, земляне не знали. Возможно, боги, а может быть, и кто-нибудь покруче. Процесс слияния назван был Великим Вселением. Тела людям достались неказистые, но разум своё дело сделал. Бывшие земляне с условиями Сатушара довольно-таки быстро освоились, что-то построили, каких-то животных приручили, какие-то растения для еды приспособили, а, главное, создали общество по своему усмотрению. Слабых людишек в рабы определили, сильных – в начальствующие. Но если раб что-то за душой имеет, ему и в знать дорога не заказана.

Золуш, в которого превратился земной воришка Славка, тому подтверждение. До знати ему далеко, но над другими власть уже имеет – может покуражиться. Да и как над ними не куражиться: гадкие, невыразительные, безвольные. Не люди – дрянь. Вот эта серая мышь, дохлятина. Ни рожи, ни кожи. Фигура что у мальчишки, да ещё сутула, ноги плетёт как протезы. Носик длинный, острый, глазки маленькие, слезящиеся, кожа серая. Тьфу, противно. Золуш остервенело ударил кнутом понуро бредущую молодую женщину. Та издала тихий стон – юный охранник пуще озлился и, вскричав: – Ах, ты орать, дура, – дважды ударил согбенную по лицу.

Женщина, сжав узкие бескровные губы, не издала ни звука, а на щеке её набухли широкие багровые полосы. Молчание пленницы ещё больше раззадорило Золуша. Он исколотил бы её до смерти – невелика потеря, за хилый товар спрос неве-